

Индекс 70156

ISSN 0042-8744

11

ISSN 0042-8744   Вопросы философии, 2017, № 11

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

2017

11
2017

CONTENTS

On the anniversary of the Russian Philosophical Society

The work of RFS discuss Vyacheslav S. Stepin, Alexander N. Chumakov, Olga V. Malyukova, Sergey I. Dudnik, Gennady V. Drach, Mustafa I. Bilalov, Leonid Ya. Podvoisky, Tatyana V. Bernukevich, Niginakhon A. Shermukhamedova, Vyacheslav I. Kudashov.....	5
Boris I. Pruzhinin, Alexander Yu. Antonovskiy, Natalia N. Voronina, Irina N. Griftsova, Aleksander M. Dorozhkin, Ilya T. Kasavin, Evgeniy V. Maslanov, Igor D. Nevvazhay, Sophia V. Pirozhkova, Tatiana D. Sokolova, Galina V. Sorina, Olga E. Stoliarova, Tatiana G. Shchedrina, Boris G. Yudin – Communications in Science: Epistemological, Socio-cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table	23
Larisa P. Kiyashchenko – Personality as a Hologram in the Transdisciplinary Culture	58

History of Russian Philosophy

Alla Yu. Bolshakova – Philosophical Constants and Artistic Individualization of the Archetype in <i>The Life</i> by Archpriest Avvakum.....	68
Elena A. Takho-Godi, Giorgia Rimondi – A.F. Losev about the Purposes of Musical Aesthetics (New Materials from the Archive of GAKhN).....	79
Alexei F. Losev – Materials from the archive of GAKhN (The text prepared to the publication and notes by G. Rimondi, E.A. Takho-Godi).....	89

Russia – a Hundred Years after the Revolution: Causes and Effects. Material of the International Scientific Conference

Elena V. Besschetnova – Order №1 and Army Collapse: at the Origins of the October 1917	97
Vladimir K. Kantor – Revolution, or Entry into the Age of Insanity.....	100
Olga A. Zhukova – Evgeny Trubetskoy as a Philosopher of History: on the Meaning of Russian Revolution.....	104
Marina S. Kiseleva – Intellectuals and the First Russian Revolution of 1917: N. Berdyayev and M. Gorky	108
Alexei A. Kara-Murza – ‘History’ and ‘Historical Accident’ in the Social Concept of Russian Bolshevism by V.I. Talin	112
Alexander F. Filippov – Revolution and the Sovereign Dictatorship	115
Tatiana G. Shchedrina, Boris I. Pruzhinin – Philosopher in the Revolution: the Consolation of Philosophy	120
Sergey A. Nickolsky – ‘Life after’. On the Revolutionary Imagination of Bolshevik Politicians and Writers – A. Bogdanov, N. Bukharin, E. Zamyatin, Vladimir Lenin, A. Platonov and E. Preobrazhensky	134

History of Philosophy

Tao [of Government of Yao] the Tang [and Shun] the Yu (the Text from Guodian). Translated with Introduction by Nikolai P. Martynenko.....	147
Ilya A. Kanaev – The Great Learning	152
The Great Learning, Daxue, translated into Russian by Ilya A. Kanaev.....	155
Nikolai V. Rudenko – Li Zhi “A Book to Burn”: Philosophical Ideas and Structure of Juan № 3.....	163
Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova – Confucian Category of Joy in Works of Kang Youwei and Nobuya Hamada.....	175
Kang Youwei – “The Book of Great Unity”, Part I, Introduction, Translated from Chinese with Commentaries by Dmitry E. Martynov	180

Nobuya Hamada – “An Ideal World”, Chapter III, Conclusion, Translated from English with Commentaries by Dmitry E. Martynov	184
Vsevolod V. Zolotukhin – The Pure Theism and the All-Unity Doctrine Criticism: Friedrich Bouterwek’s Philosophy of Religion.....	190

Letters to Editors

Alexander L. Nikiforov – Is There a World of Philosophy?	200
Che Yuling – Holiness and Mysticism: Major Dimensions of Russian Culture	207

Scientific Life

Taisiia S. Paniotova – Utopia: Life after Death (Review of Scientific Conference).....	213
Juan Pro Ruiz – Readings of Thomas More: Reflections from Spain	216

Book Reviews

Leonid E. Grinin – Halil A. Barlybaev. Solidarology. Philosophy of Solidarity	219
--	-----

Сдано в набор 08.08.2017   Подписано к печати 10.10.2017   Дата выхода в свет 28.11.2017
Формат 70 × 100¹/₁₆   Офсетная печать   Усл. печ.л. 18.2   Усл.кр.-отт. 12.7 тыс.   Уч.-изд.л. 21.9
Бум.л. 7.0   Тираж 686 экз.   Зак. 1626   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997 Москва, Профсоюзная, 90
Телефон 8 (495) 276-70-35 (доб. 3361)
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»),
121099, Москва, Шубинский пер., 6

БЕССЧЕТНОВА Елена Валерьевна – кандидат философских наук, заместитель заведующего Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

ebesschetnova@hse.ru

ЖУКОВА Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

ozhukova@hse.ru

КАНТОР Владимир Карлович – доктор философских наук, профессор, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

vlkantor@mail.ru

КАРА-МУРЗА Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

a-kara-murza@yandex.ru

КИСЕЛЕВА Марина Сергеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва.

markiseleva@gmail.com

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

prubor@mail.ru

ФИЛИПPOB Александр Фридрихович – доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

afilippov@hse.ru

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского государственного университета, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Владивосток, редактор журнала «Вопросы философии», Москва.

tannirra@yandex.ru

Статьи поступили в редакцию 10 мая 2017 г.

Цитирование:

Бессчетнова Е.В. Приказ № 1 и развал армии: у истоков Октября 1917 г. // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 97–100.

Кантор В.К. Революция, или Вступление в эпоху безумия // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 100–104.

Жукова О.А. Е.Н. Трубецкой как философ истории: о смысле русской революции // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 104–108.

Киселева М.С. Интеллигенты и первая русская революция 1917 г.: Н. Бердяев и М. Горький // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 108–112.

Кара-Мурза А.А. «История» и «исторический случай» в социальной концепции русского большевизма В.И. Талина // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 112–115.

Филиппов А.Ф. Революция и суверенная диктатура // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 115–120.

Щедрин Т.Г., Пружинин Б.И. Философ в Революции: «утешение» философией // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 120–127.

**«История» и «исторический случай» в социальной концепции
русского большевизма В. И. Талина***
А. А. Кара-Мурза

«В. И. Талин» — литературно-политический псевдоним Семена Осиповича Португейса (1880–1944), одного из самых интересных социальных теоретиков и политических публицистов русской эмиграции, которого близко знавшие его современники считали равным по таланту таким корифеям политико-философской публицистики, как Федор Степун и Георгий Федотов [Аронсон 1944; Николаевский 1944].

В юности у Талина-Португейса были хорошие учителя. Как и многие российские интеллектуалы его поколения, он, уроженец Кишинева, прошел через увлечение радикальным социализмом, основы которого изучал в кружке образованнейшего из марксистов, а тогда политического ссыльного Давида Борисовича Гольдендаха, ставшего впоследствии известным под именем «Рязанов». А первые самостоятельные литературные опыты Талина состоялись в конце 1890-х гг., в одесском «Южном обозрении», которое редактировал Арон Соломонович Ланде — настоящее имя будущего члена кадетского ЦК А. С. Изгоева, блестящего теоретика и публициста, одного из авторов знаменитых сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918).

С началом Первой мировой войны Талин становится «оборонцем», редактирует вместе с А. Н. Потресовым меньшевистскую газету «День», где продолжает работать и после большевистского переворота. Однако после ужесточения репрессий он покидает Петроград и пробирается в Киев, а затем в Одессу, где и находится в годы Гражданской войны. Перед ним возникает дилемма: оставить Россию или «перетерпеть» новую власть, которая, как тогда казалось, не могла продержаться долго.

Некоторое время он, не приемлющий большевизм скорее *эстетически* (страдая, как он признавался, более всего от «пошлости большевистского иллюзиона»), пытается найти компромисс с режимом, профессионально работая в области статистики: служит инструктором учетно-статистического отдела во время всероссийской переписи населения 1920 г., работает в губернском продовольственном комитете, где составлялись и постоянно переделывались списки лиц, получающих продовольственные пайки («пай-граждан», по определению самого Талина). Позднее он опишет эту, претендующую на строгую рациональность систему, как «тотальный хаос», кое-как регулируемый столь же «тотальным враньем», причем как со стороны блага раздающих, так и их получающих: «Все это “регулирование” — одна сплошная чепуха; никто ничего не знает и ни о чем представления не имеет, и, если все это не взрывается и не взлетает на воздух, то только потому, что установилось какое-то равновесие всестороннего обмана, когда уже никто сам не знает, когда он врет, когда правду говорит и чем собственно правда отличается от самого гнусного вранья и очковтирательства» [Португейс 1929⁶, 5].

В 1921 г. Талин решает бежать из большевистской России. С помощью контрабандистов нелегально перебирается в аннексированную тогда Румынией Бессарабию, оттуда приезжает в Берлин, затем в Париж, где начинает активно сотрудничать в самом авторитетном журнале русской эмиграции — парижских «Современных записках». Но, главное, пишет и издает серьезные монографии: «Пять лет большевизма (Начала и концы)» (1922); «Российская коммунистическая партия» (1924); «РКП. Десять лет коммунистической монополии» (1928), «Красная Армия» (1931). Каждая из этих книг готовилась долго и тщательно, с использованием большого документального и статистического материала, разными путями получаемого из России Тургеневской библиотекой в Париже, а также библиотекой Международного бюро труда в Женеве, где заведующим «русским отделом» был ближайший друг и единомышленник Талина — С. О. Загорский [Кара-Мурза 2006, 137–139].

---

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

Катастрофа новой мировой войны привела Талина, как и многих других русских изгнанников, из оккупированного нацистами Парижа в Нью-Йорк. Приехав в Америку уже больным, он тем не менее продолжает занятия публицистикой, сотрудничая с главными изданиями русской эмиграции — «Новым журналом» и «Новым русским словом». В ночь на 27 февраля 1944 г. Талин тихо скончался в Нью-Йорке и был похоронен на еврейском кладбище Маунт Кармел в Квинсе.

Важной причиной большевистской катастрофы в России Талин (часто публиковавшийся под другим псевдонимом — «*Ст. Иванович*», взятым в память о видном социалисте Степане Ивановиче Радченко) считал давно обозначившийся разрыв между уровнем культуры дореволюционной русской элиты, достигшей безусловных высот в искусстве, литературе, социальной теории, и человеческой массы, явно не способной «подпереть эти культурные максимумы»: «У нас были громадной силы и громадной высоты прыжки ввысь, а когда в великой войне и затем в великой революции понадобился народ, понадобились массы, национальная воля и государственный разум, то вместо всего этого оказалось пустое место, превратившееся в могилу всех наших максимумов» [Португейс 1927^a, 378].

Без нарочитого пафоса, столь характерного для интеллектуальных вождей белой эмиграции, Талин тщательно анализирует факторы, при которых русские большевики смогли победить. Большевизм у него — срыв восходящей революции в хаос из-за, прежде всего, поражения культуры и ее носителей. Велика была здесь роль мировой войны — апофеоза контркультурных тенденций. Ибо, при всей поверхностности и непрочности европеизации России (по словам Талина, она была лишь «хрупкой глазурью на нашем варварстве» [Португейс 1931^b, 22]), только война сумела пробить оболочку культуры и обнажить русский хаос.

И здесь, на беду России, нашлась сила, которая сделала сознательную ставку на разрушение отечественного варварства. По мнению Талина, «большевизм предвидел то, что другие не видели»: «Он предвидел, что ближайшие годы пройдут в России под знаком хаоса, крушения всех самых элементарных основ общественной, экономической, культурной и практической жизни» [Португейс 1921, 183—184]. Гениальность Ленина состояла в том, что он без боязни отдался этой стихии бунта, интуитивно чувствуя, что «бунт — не антагонист власти, а судорожный порыв от власти, переставшей пугать, к власти, которая внушит дрожь страха заново» [Португейс 1924^b, 9].

Но как смог удержаться и столь долго просуществовать режим, в генезисе которого лежала опора на антисоциальные элементы и разрушение всякого порядка — вот вопрос, который занял центральное место в интеллектуальном поиске Талина. Его историософская концепция состояла в рассмотрении цепи исторических событий с двух противоположных ракурсов, на скрещении двух разнонаправленных аналитических стратегий. С одной стороны, согласно Талину, каждое событие так или иначе «*входит в историю*» — в этом смысле «демократическая революция 1917 г. и большевизм войдут в историю России» [Португейс 1927^a, 356]. «Есть, однако, другой элемент исторического понимания и на нем, к сожалению, останавливаются меньше, — продолжает Талин. — Не только события входят в историю, но и *история входит в события* (курсив мой. — А.К.). Иными словами, в данное событие врываются силы «диалектики», силы социологического развития, превращающие первоначальную значимость этого события из одной в другую, нередко прямо противоположную» [Там же].

По мнению Талина, не только «большевизм вошел в историю», но и в него самого *вошла история*, вошли исторические силы, давшие ему жизнь, но жизнь эту направившие по путям, над которыми замыслы самих большевиков были уже не властны: «В большевизм вошла русская история, история русского народа и история русской страны» [Там же].

Но большевизм тем и отличался, потому и прибегал к террористическим средствам, что «возымел безумное намерение запереть Россию и запереть себя таким образом, чтобы русская история никоим образом сюда не вошла. Русский большевизм захотел быть антиисторичным, внеисторичным и надисторичным, и в этом и заключалась его крайняя

«революционность», чтобы в историю войти, а ее к себе не впустить. Вся его жестокость, вся его слепота, вся его историческая фантастика и фантастическая истеричность питались вот этим намерением оградить себя от проникновения истории в его собственный организм» [Там же].

В своем анализе большевизма Талин использует еще одну пару понятий: «*История*» и «*Исторический Случай*». Большевики, по его мнению, прекрасно сознавали, что «за них – *случай* – экономический, политический и моральный развал войны, но против них – *история* – основные законы современного экономического, политического и морального развития, законы, на которые война наложила свой “мораторий”, но которые уничтожить война не могла. И вот социалистическая бессмыслица коммунистической утопии и состояла в том, что случай она захотела превратить в историю, а историю, хотя бы тысячелетнюю историю России, в необязательный случай» [Там же, 356–357].

Но как именно «русская история вошла в большевизм»? Талин утверждает: в первые послереволюционные годы «история, вошедшая в большевизм, вошла в него не передом, а задом, повернув Россию к, казалось, уже пройденным ступеням» [Там же, 358–359]. В самом деле, «спустя некоторое время после воцарения большевизма многие стали замечать, что вселившаяся в большевизм русская история относится к довольно давним эпохам»: «Мы стали вспоминать, что уже самый приход большевиков к власти носил на себе неизгладимые черты “русских древностей”. Древняя пугачевщина и разиновщина, древнее исконное “бунташество”, древние настроения “черного передела”, древнее безразличие не столько антигосударственного, сколько до-и-внегосударственного анархизма русского народа – сколько всяких таких древностей стали улавливать в очертаниях “социалистической”, “пролетарской” революции!..» [Там же, 357].

Однако откат к архаике, как заметил Талин, с годами сменился в России новым процессом, также большевиками не предусмотренным, – выходом на авансцену российской истории «новых слоев», тех «мещан», «которых мы раньше не замечали или всячески презирали»: «Вот они-то и заявили о своем существовании и о своих исторических претензиях с наглядностью воистину убийственной» [Там же, 363].

«История», показывает Талин, медленно «разворачивается», чтобы войти в большевистскую Россию «как полагается» – «*передом, а не задом*». Повседневная жизнь, развиваясь *вопреки* большевизму, постепенно регенерирует объективную логику развития человеческих отношений, логику *поступательного развития культуры*. При этом сами ключевые институты большевистского режима – партия, профсоюзы, комсомол, армия, задуманные авторами как надежные инструменты своего господства, объективно становятся ареной острейшей борьбы. В них (а учитывая их значение, прежде всего в них) и проявляется главное противоречие системы – возрождение органической культуры вопреки пароксизмам революционной чрезвычайщины.

Исследование внутренних метаморфоз, претерпеваемых главным институтом большевизма – Партией, – излюбленная тема Талина-советолога: «Весь многообразный мир интересов, страстей, столкновений, связанных с хозяйственной деятельностью, с классово-борьбой, с борьбой в пределах каждого класса – все это должно найти то или иное отражение внутри этой огромной губки – РКП... Борьба населения с монополией легальности РКП была перенесена в пределы самой РКП» [Португейс 1924^a, 8–9].

Большевистская партия стала своеобразным «Ноевым ковчегом», где самые разные группы населения, часто с резко отличными интересами, пытались спастись от потока бесправия, бушующего по всей стране: «Они накрылись партийной шапкой-невидимкой... но по своей роли в политическом развитии страны они представляют собою самую опасную для политической диктатуры силу» [Португейс 1928, 405–407].

Со своей стороны, большевистский режим всеми силами противодействует регенерации исторической органики: «Надо во что бы то ни стало длить революцию. Иначе – смерть» [Португейс 1929^a, 2]. Один из наиболее эффективных способов искусственного продления «революционной молодости» – постоянное поддержание в общественном сознании «образа врага»: «Всегда и непрерывно надо, чтобы что-то где-то происходило, чтобы было страшно, чтобы были коварные враги, чтобы их ловили, судили, избличали...

Чтобы похоже было все на “революцию”, которая все еще продолжается, продолжается, продолжается...» [Португейс 1931^а, 17–18].

Между тем, по мере неуклонного «старения» режима, «кровожадные» формы его «омоложения» сменяются формами все более «вегетарианскими», когда власть просто «...бесконечно длит и длит кутерьму, выдумывает для нее все новые и новые формы и с насупленным лбом, со страшно серьезным “революционным” выражением в лице титанически и планетарно переливает из пустого в порожнее» [Португейс 1929^а, 2]. Режим уже не в силах «запретить историю», но еще способен мешать процессу регенерации исторической нормы. «Советская власть и компартия, — пишет Талин, — органически не способны спокойно видеть человека, занимающегося своим делом, потому, что всякое погружение человека в свое дело неизбежно включает его в органическую систему возрождающейся жизни, в корне враждебной искусственной системе дурацкого партийно-советского колпака, по уши натянутого на рвущуюся к хозяйственной и духовной свободе страну» [Португейс 1927^б, 509].

«Окончание революции», согласно Талину, станет делом рук *самой коммунистической элиты*, и коллапс советской системы начнется изнутри ее главного института — монополярной партии. В отличие от большинства эмигрантов первой послереволюционной волны, Талин был убежден, что «большевизм могут преодолеть не те, которые с ним и к нему не пошли, а только те, которые из него или от него ушли» [Португейс 1936, 390].

Путем серьезного социально-исторического анализа Талин пришел к пониманию, что «никогда не свергается сложившийся “новый режим”»: «Он обязательно должен постареть, чтобы сконцентрировать на себе ненависть народного большинства, чтобы разрушить все иллюзии, связанные с его рождением и молодыми годами...» [Там же, 392].

Итак, еще на рубеже 1920–1930-х гг. Талин-советолог предвидел, что «...новую свободную Россию добудут и новую свободную Россию укрепят не старые силы, не силы, большевизмом побежденные, а силы, большевизмом рожденные, себе на погибель большевизмом выпестованные» [Португейс 1927^а, 376]. «История... изгрызет до дыр свое временное политическое вместилище и сбросит остаток небольшим рывком, далеким от стиля “великой революции” и близким к стилю какого-нибудь переворота или даже просто... замешательства» [Там же, 378].

Что же касается предположений о возможном характере будущей, постбольшевистской России, то здесь Талин никогда не был большим оптимистом. Он несколько не сомневался, что и после падения большевиков путь России не будет усеян розами — ей, судя по всему, предстоит выбор «не между добром и злом, а между злом большим и меньшим» [Португейс 1922, 105].

В самом деле, каким образом из «режима лжи и террора» можно разом перепрыгнуть в «царство подлинной демократии»? Думать, что под завалами диктатуры сокрыто благостное общество, требующее только высвобождения «из-под глыб», — значит, по мнению Талина, в очередной раз повторять ошибку, уже сделанную однажды русскими предреволюционными «мечтателями» [Португейс 1931^б, 15]. Подлинная дебольшевизация России потребует немало времени: «Только медленными молекулярными наслоениями, только на протяжении большого исторического пути произойдет духовная и политическая европеизация России, только медленно и постепенно будет с нее спадать спесивая доморошенность» [Португейс 1927^б, 513].